

Права человека из лаборатории РПЦ

За последние пару лет трудно было не заметить, что вслед за протестантскими религиозными организациями, о проблемах прав человека все настойчивей стали говорить и представители Русской Православной Церкви Московской Патриархии. Однако, если российские и иные христиане-протестанты придерживаются общепринятой цивилизованной концепции, то с точки зрения РПЦ все, касающееся этого вопроса, выглядит несколько иначе. Что, впрочем, неудивительно, если вспомнить об исключительном значении, которое придает себе эта крупнейшая религиозная организация России, и ее представлении о своем особом праве на вмешательство во всевозможные общественные и политические процессы светского общества.

Глава РПЦ, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, упоминает о правах человека, как правило редко и крайне скупно, ограничиваясь необходимым минимумом, который требуется в процессе официальных выступлений. Высказывания остальных православных иерархов в этом смысле нередко не совпадают, хотя имеют один общий признак: о правах человека речь чаще всего заходит лишь в тех случаях, когда нарушаются права религиозных организаций или отдельных верующих, принадлежащих юрисдикции Московской Патриархии. Тем не менее, недавно появилась возможность ознакомиться с официальной церковной позицией по этому вопросу, благодаря тому, что 6 октября на конференции «Диалог цивилизаций», проходившей на о. Родос, прозвучало выступление официального представителя РПЦ, заместителя председателя ОБЦС МП протоиерея Всеволода Чаплина на тему «Православная Церковь и проблематика прав человека: новое начало работы и дискуссии». <http://www.religare.ru/article22259.htm>

Подход официального российского православия к правозащитной тематике оказался вполне предсказуемым, так как не имея достаточного опыта правозащитной деятельности в советское время, религиозная организация обратилась к опыту разгромленной большевизмом Российской Православной Церкви, об исключительном праве на наследование которой современная РПЦ постоянно напоминает. «Она (правозащитная деятельность - ред.), собственно, никогда не была для нее (РПЦ) чужда: в советский период многие мужественные священнослужители и миряне отстаивали в своих отношениях с властью право верующих не только исповедовать свои религиозные убеждения, но и влиять на жизнь общества. Такие люди, как недавно почивший протоиерей Димитрий Дудко, Владимир Осипов, Александр Огородников, бесстрашно свидетельствовали о Христе, постепенно добиваясь ослабления оков государственного атеизма. (...) Менее известно, что постоянную работу по отстаиванию жизненных нужд Церкви вели ее иерархи. И пусть эта работа велась негласно, через напряженный диалог с советскими властями, – она была, пожалуй, наиболее действенным средством противостояния безбожному диктату».

Любопытное получается обращение к «правозащитному опыту». Тут и Патриарх Тихон, поставленный в один ряд с последующими Патриархами, санкционированными большевистской властью, тот самый патриарх, который предал анафеме большевизм, организовавший впоследствии себе в помощь новую Патриархию. В один список попали и не сломленный Александр Огородников, и отказавшийся от своих убеждений священник Дмитрий Дудко. Зачем-то упомянуты иерархи РПЦ периода советской власти, которые без ее «благословения» иерархами не становились. Зато, будто бы и не было, к примеру, Глеба Якунина с Николаем Эшлиманом и Николая Гайнова, которые единственные из православных, имеющих непосредственное отношение к церкви только и являлись церковными правозащитниками, хотя самой же РПЦ были репрессированы.

Странны и такие аргументы, как ссылка на некие «чудеса дипломатии», проявленные целым сонмом патриархов и архиереев, «чтобы хоть как-то противостоять гонителям, защищая церковные общины, священнослужителей, монашествующих, активных мирян». Ничем не оправдано и акцентирование на том, что «все более известна роль в этой непростой работе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II», который будучи управляющим МП «спасал от закрытия многие храмы и монастыри, помогал епархиальным архиереям в их напряженных взаимоотношениях с советскими властями». Все это настолько притянуто за уши, что выглядит просто неприличным. Ведь, в отношениях с теми, под чьим контролем работали архиереи, требовалась не дипломатия, а угодливость, умение не перечить начальству и регулярно «смазывать» ему правую ладонь. А в бытность, тогда еще митрополита, Алексия (Ридигера) управделами,

власти давно уже не закрывали храмы и монастыри, так как это делала сама РПЦ.

Официальная версия правозащитной самоотверженности Патриархии включает в себя, как заслугу, даже написание нынешним Патриархом в начале «перестройки» обращения к Горбачеву с предложением не ограничивать церковную деятельность в стране. Ведь, в соответствии с новым вариантом истории – теперь уже и постсоветской России Патриарху Алексию приходилось прилагать «огромные усилия, чтобы преодолеть государственно-атеистическую систему, которая вовсе не хотела сдавать позиции, а затем – ее инерцию и ее рецидивы в среде чиновников и части интеллигенции».

Все эти странности представлений, из которых исходит «правозащитная доктрина» РПЦ, уместились в одном лишь первом абзаце текста выступления ее официального представителя на упомянутой конференции. Поэтому, вовсе не удивительно, когда и далее подобного же рода «заслуги» обнаруживаются в 90-е годы XX века. Тогда РПЦ, оказывается, активно защищала «православных верующих в некоторых постсоветских странах, где они подвергались гонениям по вероисповедному и национальному признакам», и лишь по странной случайности не участвовала в их судьбе в Туркменистане, где это, собственно, только и требовалось, как требуется до сих пор. А забота РПЦ «о жертвах межэтнических и политических конфликтов, разгоревшихся на пространстве бывшего Советского Союза», вероятно выражается в оправдании Патриархом Алексием истребления гражданского населения Чечни по причине того, как он изрек однажды, что «они же взрывают наши дома».

Неожиданным открытием для россиян может стать и неизвестно откуда появившаяся «гуманизация» таких институтов, как армия и места лишения свободы, которая по мнению церкви уже состоялась, но только благодаря вмешательству православного духовенства.

При столь «богатом опыте» Московской Патриархии в деле защиты прав человека, даже как-то странно выглядело неведь каким образом попавшее в официальное выступление признание, что «первые общественные правозащитные организации и группы» возникли только «перед началом XXI века», правда, без уточнения, задолго ли до 1 января 2001 года.

Далее официоз в церковном представлении о правах человека сместился в сторону предъявления обвинений всем скопом светским правозащитникам, «которые за последние годы перешли от симпатии к Церкви, гонимой в советские времена, к радикальному ее неприятию». Нетрудно догадаться, что за этим обвинением скрывается недовольство иерархии РПЦ тем обстоятельством, что благодаря большей открытости информации, за последние более, чем полтора десятилетия, обществу стало известно множество деталей далеко не богоугодной деятельности ранее скрытой от посторонних глаз религиозной империи. В том числе о ее тесном сотрудничестве со спецслужбами в советский период, о почти поголовном в то время сексотстве православных иерархов и продолжении славной традиции их сотрудничества с наследниками КГБ в наши дни. Кроме того, о неофициальных семьях известных «владык», о популярности в церковной среде сексуальных извращений, включая педофилию, о имеющем криминальную подоплеку бизнесе, об участии в крупных нефтяных и финансовых спекуляциях, о распространенности, а во многих случаях и генерировании в церковной среде идей расизма, нацизма и антисемитизма. О целенаправленной антикультуристской деятельности некоторых групп и даже структур РПЦ, продолжающих таким образом традицию, начало которой было положено приснопамятным «Союзом безбожников».

Претензии официальной церкви к правозащитнику Льву Левинсону, характеризующему в одной из публикаций особо отличившихся священнослужителей «мракобесами», «жандармами во Христе» и «профессиональными охотниками на ведьм» вполне понятны: очень неприятно, когда тебя ловят за руку, да еще и при всем честном народе. Но возможности опровергнуть справедливость подобного рода эпитетов у РПЦ, увы, тоже нет.

В качестве примера своей правозащитной деятельности официальная РПЦ приводит, в частности, прецедент погрома, устроенного мракобесами на выставке «Осторожно, религия», совершенной, как церковь признает, и действительно ее паствой. Относительно этого случая, даже не скрывается, что хулиганство, учиненное религиозными фанатиками воспринимается официальной церковью, как героический и, что самое дикое, еще и правозащитный акт. Впрочем, такими же актами, как известно, считаются этим «христианским» институтом и избияния иноверцев, и произвольные захваты молитвенных зданий неправославных конфессий, и антисемитские акции «православной интеллигенции», и погром Богородичного центра, открыто одобренный одним из наиболее авторитетных и маститых московских священнослужителей протоиереем Дмитрием Смирновым.

Как выглядят на фоне подобных «подвигов» обиды на Глеба Якунина, заявившего, что «корень проблемы заключается в самой Московской Патриархии; она – огромный монстр; русское православие – это

обрядовере, это язычество», судить читателю.

Обвиняя далее светских правозащитников в «насаждении в России (...) идеи отказа страны от духовной независимости в пользу механического следования западной политической культуре», РПЦ, вероятно, в качестве альтернативы предлагает некий «эмбрион» позиции нашей Церкви в области прав человека», выраженный в Основах социальной концепции РПЦ следующими словами: «По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом. При этом охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия (до тех пор, пока оно не вредит иным индивидуумам), а также в требование от государства гарантий определенного материального уровня существования личности и семьи. В системе современного светского гуманистического понимания гражданских прав человек трактуется не как образ Божий, но как самодостаточный и самодовлеющий субъект. Однако вне Бога существует лишь человек падший, весьма далекий от чаемого христианами идеала совершенства, явленного во Христе («се, Человек!»). Между тем для христианского правосознания идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей служения. Права нужны христианину прежде всего для того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к «подобию Божию», исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом и иными человеческими сообществами».

В переводе этой абракадабры на русский язык, это должно было бы звучать приблизительно так: «Человек мнит себе, что личные права каждого могут осуществляться только при условии его неверия в Бога. Защита таких прав не что иное, как защита собственного своеволия, и ожидание от государства обеспечения им гарантий материального блага для своих граждан. В светском представлении о правах человека этот человек рассматривается не как духовное существо, а как конкретный гражданин, который располагает правом на свой внутренний мир и распоряжение собою в соответствии со своей волей. Такого человека следует считать духовно опустившимся и неполноценным, так как он далек от идеала Христа. В противовес этому, представление РПЦ о свободе и правах человека неразрывно связано «с идеей служения», где права человеку нужны разве что для того, чтобы он мог стремиться к идеалу богоподобия, «исполнять свой долг перед Богом, Церковью и государством».

Не напоминает ли это читателю софизмы «морального кодекса коммуниста», где даже понятие свободы трактовалось, как «право быть свободным от влияния враждебных коммунизму идеологий»? Поэтому, когда в выступлении заместителя главы ОВЦС звучит сообщение о том, что в церковных структурах «началась работа над концептуальным документом по вопросам достоинства личности, прав человека и их места в религиозно-нравственной системе ценностей», а «проект документа, который будет носить характер доктринальной богословско-социальной разработки, создается рабочей группой из священнослужителей, церковных и светских ученых и затем будет предложен на суд Церкви и общества», становится даже как-то страшновато. Тем более, что будто с намерением продемонстрировать какую-то особую форму лицемерности, официальная РПЦ далее указывает, что «Богоданное достоинство личности является для христианина основанием для уважения к ней в обществе, для создания таких социальных условий, которые способствовали бы раскрытию ее дарованной Творцом свободы». Однако, для осуществления этого требуется «благодать Божия, подаваемая в истинной Церкви», под которой, как нетрудно догадаться, Московская Патриархия подразумевает исключительно «самое себя».

Здесь стоит оговориться, что эта институция сегодня, насаждает в среде верующих довольно оригинальное для современного христианства представление о Церкви, понятие которой локализуется только в пределах конкретной церковной организации. То есть, именно она обладает всеми присущими Церкви признаками благодатью, непогрешимостью и прочим. Подобная фаза развития существовала в средневековье и в Католической Церкви. Однако и она никогда не определялась таким фактором, как принадлежность к какой-то одной национальности. Таким образом, надо надеяться, что и нынешняя российская «ересь» рано или поздно сойдет на нет. Но не стоит сомневаться, что значительная распространенность чувства национально-религиозной исключительности в нашей стране, отражается на представлениях института РПЦ о гуманитарном праве вообще и правах человека в частности, достаточно серьезно.

Например, судя по высказанному на конференции официальному мнению церкви по поводу связи прав человека с его обязанностями и ссылке при этом на некую «российскую политическую традицию», может означать только апеллирование к советской модели, основанной на принципе единообразия мировосприятия на постулатах марксизма-ленинизма и диалектического материализма. Столь пикантное церковное представление о мировоззренческом оптимуме для россиян, было подтверждено и такой сентенцией о. Всеволода Чаплина, как следующая: «Многие даже могут подумать, что, признавая одни и те же права, православные и люди других мировоззрений способны объединиться вокруг «общечеловеческих ценностей».

Однако следует особо рассмотреть вопрос об иерархии ценностей, в которой, в отличие от секулярных гуманистов, православные христиане отнюдь не ставят на первое место земную жизнь человека и все, что с ней связано». В данном случае нет необходимости говорить о несовпадении такого церковного представления о физической жизни, как дар Божие с представлениями христианскими, где земному существованию человека уделяется значительное внимание. Но не может не обратить на себя внимание такая, казалось бы, мелочь, как единственный вывод, который и возможно только сделать приняв это утверждение РПЦ за истину: осуществление гарантий соблюдения прав человека в России принципиально невозможно до тех пор, пока все, живущие на территории страны не окажутся русскими православного вероисповедания, входящими в юрисдикцию Московской Патриархии.

Развивая далее эту мысль, официальный представитель Патриархии заявил, что «Ценности веры, святынь, Отечества для большинства православных христиан стоят выше, чем права человека, даже право на жизнь». Привычка к заезженности громких фраз и пафосной героике когда-то советской, а теперь даже непонятно чьей пропагандой, подобного рода утверждения, как правило, не вызывают у людей никаких эмоций. А тем более, не вызывают желания вникать в смысл сказанного, который, как это ни странно, в данном случае весьма любопытен. Для того, чтобы уяснить, какое же вообще место религиозная организация РПЦ отводит правам человека, о чем она в данном случае открыто заявляет, достаточно расшифровать использованные в таком заявлении понятия.

Итак, «ценности веры», это сама вера в Господа, как сформулирована она в Символе Веры. Христианские святыни - понятие широкое, включающее в себя многое, начиная от Таинства Евхаристии и заканчивая останками подвижников (мощами), которым поклоняются верующие. Ценность Отечества - тоже понятие многогранное, в которое входят такие разнородные вещи, как патриотизм - любовь и уважение к родной земле и соотечественникам, семье, близким и друзьям, а кроме того полное согласие с государственными порядками и сознательная поддержка целей и методов государственной власти в каждый конкретный исторический момент.

В результате, совершенно непонятно, каким образом принадлежность или непричастность человека к каким-либо вероисповеданиям, будучи категорией религиозно-нравственной, может состязаться с принадлежащей к совершенно иной, этико-правовой шкале ценностей гуманитарной идеей прав человека. Зато вполне ясно, что единственной категорией, используемой в данном случае церковным официозом, свойства которой способны входить в конфликт с гуманитарными правами, это «ценность Отечества» в части идеологической направленности внутренней политики государства. В частности, в условиях тоталитаризма никаких разговоров о правах человека, конечно же, быть не может. Ведь, религиозен человек или нет, но не он, а тоталитарная власть вместо него определит свои цели, выражаясь словами о. Всеволода, «выше, чем права человека» и «даже право на жизнь».

С использованием по мере необходимости спекуляции категориями исключительно религиозного порядка, вопросу о правах человека церковной пропагандой придается значение чего-то крайне мелкого, необязательного, «тленного», не имеющего отношения к тому разряду ценностей, к которому принадлежат религиозные идеалы. Однако, верующим христианам хорошо известны такие понятия, как «христианская нравственность» и «христианская мораль», в которых уважение к правам и свободе выбора личности заложено изначально. Определяя критерии своих представлений о правах человека, официальная церковь об этом отчего-то умалчивает. Зато с целью оправдать созвучность своего собственного отношения к правам и свободам личности с позицией по этому вопросу нынешней светской власти, она прибегает к такому сомнительному способу аргументации, как мифотворчество. Разве можно иначе воспринимать, например, такие «свидетельства», как то, что «во времена богоборческих гонений Церковь легко отдавала гонителям свои богатства, не имевшие богослужебного употребления, но призывала людей к сопротивлению до смерти при изъятии священных предметов, к которым не должна прикасаться рука обычного человека»? Ведь, в соответствии с такой «версией» получается, что разгромленная большевиками Российская Православная Церковь едва ли не добровольно отдала в 1918 году все свое имущество безбожной власти, поддержав таким образом проводимую ею политику лжи и террора. Но, одновременно, в отдельных случаях и сопротивлялась «до смерти» вооруженным святотатцам. Вероятно, подобная «полуправда» выглядит гораздо неприятней откровенной лжи, так как и убеждает в существовании, якобы, давней традиции сотрудничества церкви с ГБ-шной властью, и, одновременно, виртуозно умалчивает об анафеме, которой предал на все времена тоталитарные идеологию и режим Патриарх Тихон.

В не менее явной степени искажения истины присутствуют и при нескончаемых жалобах крупнейшего церковного института России на нежелание понять его, проявляемое светскими правозащитниками. «Мы говорим, что защита святынь от кощунства важнее свободы слова и творчества – нам возражают. Нам

говорят, что ради жизни солдат и боевиков в Чечне можно поступиться целостностью России – но мы не согласны с этим», - приводит примеры таких досадных несогласий представитель РПЦ. И снова, мало кто обратит внимание на банальность спекуляции терминами, тогда, как полезный смысл в самих фразах отсутствует напрочь. Ибо светские правозащитники возражают не против того, что верующие отдают предпочтение собственным святыням, а против организации ими погромов, которые оправдываются затем на голубом глазу тем, что кто-то где-то, разумеется, не в храме, оскорбил их религиозные чувства. Когда же правозащитники отдают предпочтение сохранению жизней солдат, а не войне, представляющей следствие грязной политики власти, то церковь не соглашается с этим, переименовая насилие над народом, живущим на своей родной земле, в необходимую меру против нарушения целостности России.

Видимость неких особых признаков церковного представления о правах человека поддерживается и более откровенными методами. Выражая, например, надежду на то, что «современный мир по крайней мере научится равно уважать и гармонизировать разные иерархии ценностей», представитель РПЦ указывает на необходимость для того отказаться «от попытки установить монополию антропоцентризма на закон и на общественное устройство», «преодолев искушение такой монополией» и «отказавшись от либерального тоталитаризма». Иначе говоря, от любого проявления личной свободы, а кроме того и принципа «все для блага человека», на следование которому ориентировано государственное устройство во всем цивилизованном мире. Российскому обществу РПЦ этого не желает.

А чего желает?

«В христианской традиции есть вещи более важные, чем земная жизнь, - заявил по этому поводу о. Всеволод, – сначала своя, потом чужая (особенно если речь идет об агрессоре). Это вера – ибо лучше умереть, чем утратить ее. Это святыни – ибо ни при каких условиях христианин не должен обрекать их на поругание. Это жизнь и благо ближнего – своей семьи, своей общины, своего народа, вообще всякого человека, который терпит бедствие и страдание». А затем упрекнул «антропоцентрическую политико-правовую систему», касающуюся сугубо материального жизнеобеспечения и исходящую, как известно, из стремления власти к созданию оптимальных условий для жизни всех и каждого в том, что она «вряд ли когда-нибудь будет полностью одобрена истинным христианством». Вероятно, в том смысле, что христианство, читай – «православие РПЦ», вряд ли одобрит достойный образ жизни для россиян. В частности, потому, что «в ней ценности веры и Отечества, за которые способен умереть христианин, ставятся много ниже ценности выживания человека в этом мире, «ценностей» комфорта, достатка, здоровья, успеха».

О том, что уважение к правам человека заложено в основу христианства, выше уже говорилось. Поэтому, по мнению РПЦ, этими правами не просто допустимо, но и следует пренебрегать, если их осуществление входит в конфликт с целями государственной власти. Что мы, собственно, фактически и имеем в настоящее время.

Однако, церковь недвусмысленно заявляет о своей особой правозащитной деятельности, приводя в пример учреждаемые ею православные общественные организации, преследующие защиту ее интересов в плане участия в общественной и политической жизни страны. Особой целью деятельности таких организаций, представитель РПЦ называет «недопущение тотального контроля над человеческой личностью, превращения ее в товар, в обезличенный модуль потребительско-технологической системы». Что имеется под этим в виду, тоже разъясняется: это «опасность возникновения «электронного концлагеря», где «личная жизнь человека, его религиозный и мировоззренческий выбор могут оказаться под жестким влиянием национальных правительств, международных органов власти, а главное – никем не избранных влиятельных факторов периода глобализации». В данном случае, представления религиозной организации недалеко ушли от страдания масс околоцерковным маргиналитетом, вроде российских антиглобалистов, групп антикультистов, разного рода казачьих «союзов» и отдельных «православных братств», идеологически ориентированных на радикальный национализм и религиозный фундаментализм.

Кроме того, церковь высказывает опасение, что «современные информационно- технологические средства, делающие возможным тотальное отслеживание всех действий человека, могут быть с легкостью поставлены на службу идеологическому диктату, даже если последний будет осуществляться под лозунгами демократии, политкорректности, сохранения социальной стабильности, борьбы с терроризмом и другими видами преступности». То есть, перечислив, по сути, все основные симптомы внутренней политики, проводимой нашим государством в настоящее время, официальный представитель РПЦ, как бы транспонирует их в не существующую еще область риска, которая может возникнуть в случае каких-либо политических изменений в стране. А значит, речь идет о заведомой враждебности и обществу и церкви всего того, что может представлять собой альтернативу воплощаемой сегодня в России модели «управляемой демократии», обрастающей все новыми признаками тоталитаризма - то есть, демократии цивилизованной.

Таким образом, подводя черту под первым, столь откровенным изложением РПЦ своего представления и отношения к основным гуманистическим ценностям нашей цивилизации, лучше всего привести цитату из выступления заместителя председателя ОВЦС РПЦ протоиерея Всеволода Чаплина: «В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что мышление и действие православных христиан в правозащитной сфере будет активно развиваться. Думается, это послужит и хорошей основой для диалога по данному кругу проблем с представителями других конфессий и религий, равно как и с теми правозащитниками, которые стоят на позициях секулярного гуманизма. Пусть такой диалог послужит ко взаимному уважению и сотрудничеству, цель которого – оставить попытки мировоззренческого диктата и развить полноценное сотрудничество на благо всех людей и народов».

Вероятно, эта единственная здравая мысль принадлежит не специалистам идеологического аппарата Патриархии, а самому о. Всеволоду. Ибо она абсолютно корректна, вплоть до утверждения, что «попытки мировоззренческого диктата» срочно требуют пресечения.

В том числе, конечно, и мировоззренческого диктата одного из генераторов нового тоталитаризма самой РПЦ.

Автор: Михаил Ситников, для БАБР.RU © Babr24.com РЕЛИГИЯ, МИР 👁 4386 20.10.2005, 15:17 📌 197

URL: <https://babr24.com/?ADE=25259> Bytes: 25945 / 25945 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Михаил
Ситников, для БАБР.RU.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)